

5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
6. Приходько О.В. США – Канада: Экономика, политика, культура / РАН, Ин-т США и Канады. – М.: Наука, 1970. – С.3-24.
7. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное

исследование политической метафоры (1991-2000) [Электронный ресурс]. Монография. – Екатеринбург, 2001. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#150>.

8. Newsweek [Электронный ресурс] – 2001-2009. – Режим доступа: <http://www.newsweek.com>.

Е.С. Ревенко, М.Н. Шевченко

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЕТАФОРЫ

The article Modern approaches to the researches of metaphor deals with different conceptions of metaphor phenomenon. The authors of the article try to reveal the main features of metaphor and its historical development from stylistic device to cognitive device.

В лингвистической науке существует множество определений метафоры. Традиционно большинство определений раскрывают ее как стилистическую фигуру или троп, основанный на переносе. Так, А.А. Реформатский рассматривает метафору в качестве переноса наименований, основанного на сходстве вещей по цвету, форме, характеру движений [25, с. 77]. И.В. Арнольд также определяет метафору как перенос наименований, основанный на ассоциации по сходству [1, с. 77].

Принцип создания метафоры на основе сходства, аналогии признает и О.С. Ахманова. Однако она трактует метафору как перенос значения (а не именования), состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле [3, с. 231]. И.Р. Гальперин [9, с. 125] подчеркивает одновременное существование в метафоре двух значений, определяя ее как «отношение предметно-логического значения и значения контекстуального, основанное на сходстве признаков двух понятий».

Сходной точки зрения на природу метафоры придерживается и лингвист В.В. Калмыкова [11, с. 83], рассматривая метафору как «явление, возникшее в результате одновременной реализации двух значений (номинативного и производного) одной лексической структуры при обязательном наличии общей лексической семы или двух значений из двух разных лексических структур на основе обязательного общего лексического признака». В ее трудах исследуются трансформация метафоры в научно-технический термин и переход научно-технического термина в метафору.

Таким образом, на современном этапе развития лингвистической науки единого подхода и разработанной единой теории метафоры не существует.

В ряде теорий метафоры и сравнения принцип сходства, или аналогии, является основополагающим. Вместе с тем многие современные лингвисты солидарны в том, что метафора и сравнение, являясь близкими явлениями, основанными на сходстве, все же имеют существенные различия. Так, Арутюнова [2, с. 140] отмечает, что сравнение отражает постоянное или переходящее сходство, а метафора выражает устойчивое подобие. Преобразование сравнения в метафору приводит не только к формальному, но и к смысловому изменению.

Для того, чтобы увидеть сходство предметов, надо провести умственную операцию их сопоставления. В результате в сравниваемых предметах распознаются сходные черты, устанавливается подобие, совмещаются два представления в одном путем синтезирования в метафоре свойств разнообразных предметов.

Такой процесс связан с взаимодействием сущностей и приводит к «получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания», т.е. к метафоризации [28, с. 136]. Метафоризация лексической единицы свидетельствует, что номинативная система языка имеет двухуровневое строение: уровень прямых наименований, или номинаций, и уровень переносных наименований/ номинаций.

Напомним, что под номинацией понимается образование языковых единиц с номинативной функцией. Это значит, что номинации служат для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений. Этот термин служит также для обозначения результата процесса номинации – значимой языковой единицы [28, с. 48]). Г.В. Колшанский [13, с. 81] подчеркивает способность номинации закреплять в языке понятийные признаки, отображающие свойства предметов.

Выделяют первичную и вторичную номинацию, трактуемые лингвистами по-разному. Под первичной номинацией понимается языковое означивание посредством слов и словосочетаний, под вторичной понимают языковое означивание посредством предложений (Т.В. Булыгина, В.Г. Гак, А.А. Уфимцева).

Такие авторы как С.С. Маслова-Лашанская, Г.В. Колшанский, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия под первичной номинацией понимают изначально языковое означивание или начальную номинацию, осознаваемую в языке как непроизводную. Вторичная номинация определяется этими авторами как производная, сформировавшаяся за счет переосмысления готовых языковых единиц, выступающих во вторичной для них функции. Данная классификация номинаций соотносится с названной теорией двухуровневого строения языка, где первичная номинация соответствует уровню прямых наименований, а вторичная – уровню переносных наименований.

Выделяются два вида вторичной номинации: 1) прямая, где образование наименований происходит путем прямого отражения особенностей предметов или явлений; 2) косвенная, где образование наименований осуществляется путем ассоциативно-семантического отражения признаков и особенностей предмета.

В основе последнего вида вторичной номинации лежит прием метафоризации, т.е. переосмысление на основе сходства или аналогии признаков в понятийном отражении объекта и в сигнификате переосмысляемого слова. В результате данного переосмысления возникают новое значение и содержание [7, с. 23].

Теории метафоры эволюционировали от изучения ее как скрытого сравнения (И.Р. Гальперин, О.С. Ахманова, А.А. Реформатский и др.) до исследования метафоры с когнитивных позиций (М. Блэк, Дж. Лакофф, Д. Гентер и др.).

Подходы к изучению феномена метафоризации делятся на три условные группы.

К первой группе относятся труды, основанные на **прагматическом (сравнительном) подходе**. Он допускает существование только одного значения, которое ассоциируется со словом, фразой или предложением. В качестве примера можно привести буквальное значение языковой единицы, когда любое выражение значит лишь то, что значат его слова, а явление метафоры лежит за пределами смысла предложения (Дж. Серль, Д. Дэвидсон). При таком подходе метафора определяется как прагматический феномен и сводится к такой мыслительной операции как сравнение. Дж. Серль разделяет смысл и значение сказанного и смысл предложения, утверждая, что «метафорический смысл – это всегда смысл сказанного», но не обязательно смысл предложения. Ученый подчеркивает, что «в случае буквальных высказываний, смысл сказанного и смысл предложения являются одним и тем же». Дж. Серль

отбрасывает идею, будто предложение, фраза или слово могут иметь два отличительных смысла – буквальный и метафорический, утверждая, что смысл предложения остается одним и тем же независимо от того, как он будет интерпретирован. Согласно этой теории любое метафорическое утверждение можно заменить эквивалентным ему сравнением.

Второй, **субституциональный, подход** к метафоре схож с первым в том, что допускает лишь один тип значений для слова. Согласно субституциональной концепции «фокус метафоры (явно метафорическое слово или выражение, вставленное в рамку прямых значений слов) служит для передачи смысла, который мог бы быть выражен буквально» (М. Блэк). По мнению М. Блэка, метафора используется вместо целого выражения, и задача читателя – осуществить обратную замену: на основе значения метафоры установить буквальное значение выражения.

Дж. Лакофф, представитель этого направления, подчеркивает когнитивную роль метафоры и ее глубокую укорененность в концептуальной картине мира человека. Он подчеркивает, что «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [7, с. 25]. Согласно работе Дж. Лакоффа и Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», концепты, управляющие мышлением человека, являются не просто порождением ума. Они влияют на повседневную деятельность человека, структурируют его ощущения, поведение, отношение к другим людям. Идея когнитивного моделирования результатов познания как основы формирования языковых значений широко используется в когнитивной лингвистике [5 с. 32]. Такие модели, являясь внутренними репрезентациями языкового знания, позволяют соотносить ментальные структуры с вербальными.

Разнообразие структур знания обусловлено неоднородностью самих объектов концептуализации (от конкретных вещей до абстрактных понятий), а также разнообразием психических процессов, связанных с речевой деятельностью. Соответственно, в значении языковой единицы сохраняется «след» не только тех знаний, которые входят в общую систему культурно значимого опыта носителя данного языка (картина мира), но и того способа моделирования, или «форматирования» этих знаний, который закреплен в данной культуре, т.е. «образ мира». Из сказанного можно заключить, что модели концептуализации объектов/явлений действительности выводимы из значений языковых единиц, объективирующих концепты.

Коммуникация основывается на той же концептуальной системе, которая используется в мышлении, и язык является важным источником данных об этой системе. Опираясь на языковые факты, ученые пришли к выводу, что обыденная концептуальная система человека по своей природе метафорична (Дж. Лакофф, Д. Гентер, П. Тагард и др.).

Дж. Лакофф и М. Джонсон [17, с. 27] полагают, что суть метафоры – это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида». Соответственно, как структурированная модель знания, метафора является взаимодействием двух областей знания – областью-источником и областью-целью. Объяснение еще непознанного, абстрактного (область-цель) через конкретное – уже познанное и получившее номинацию в языке (область-источник) и является основной функцией «когнитивной метафоры» [17].

В рамках третьего подхода к метафоре – **интеракционного** – считается, что существуют два типа значений, ассоциированных со словом, фразой или предложением – буквальное и метафорическое (М. Блэк, А. Ричардс). В своей работе «Метафора» М. Блэк рассматривает сравнительную концепцию метафоры как разновидность субституциональной концепции.

По словам ученого, интеракционная концепция лиш-

на недостатков субституциональной и сравнительной теории и отражает все аспекты понятия метафоры и границ ее употребления. Согласно этой концепции метафора включает два субъекта – главный и вспомогательный. Данные субъекты рассматриваются как «системы». Механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом. Данные импликации являются общепринятыми ассоциациями, связанными в сознании говорящих со вспомогательным субъектом. Например, в метафоре «Человек-волк» главный субъект = «человек», а вспомогательный субъект – «волк». Для понимания данной метафоры от читателя требуется переложить знания о волках на человека, т.е. провести некие ассоциации между человеком и волком. Таким образом, человек, которого называют волком, представляется жестоким, свирепым, безжалостным.

М. Блэк подчеркивает, что для метафоры важна не истинность ассоциаций, а их быстрая активизируемость в сознании человека. Однако ученый упоминает о том, что одна и та же метафора в разных культурах может означать совершенно разные вещи. Так, метафора «человек-волк» будет иначе интерпретирована в той культуре, где люди верят, что души умерших людей вселяются в волков.

Таким образом, метафора в имплицитном виде включает в себя такие суждения о главном субъекте, которые обычно прилагаются к вспомогательному субъекту. Благодаря этому метафора отбирает, выделяет, организует определенные характеристики главного субъекта и ослабляет или устраняет другие. Именно такие мыслительные операции приводят к сдвигам в значении слов, принадлежащих к той же системе, что и метафорическое выражение. Некоторые из этих сдвигов могут быть метафорическими переносами.

Интеракционный подход к изучению метафоры более сложен по сравнению с прагматическим (сравнительным) и субституциональным, так как он требует от ученого разработки определенной модели сознания. По мнению М. Блэка, прагматический подход к объяснению механизма метафоры самый простой, поскольку требует от автора лишь выбора операции и эмпирической проверки данных. Субституциональный подход требует от исследователя обоснования когнитивной функции метафоры.

Несмотря на выявленные различия между прагматическим, субституциональным и интеракционным подходами к метафоре, общим для когнитивной теории метафоры в целом является положение о том, что в основе процесса метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний. В качестве подобных процедур принимаются схемы, модели, фреймы и сценарии, обобщающие опыт взаимодействия человека с окружающим миром. Далее, это ментально смоделированное знание, отражающее взаимодействие с окружающим миром, объективируется на языковом уровне. Такие исследователи как Н.Д. Арутюнова, С.Д. Кацнельсон отмечают важную роль языка в этом процессе, поскольку он является средством классификации человеческого опыта. Все явления окружающего мира упорядочиваются в человеческом сознании благодаря системной организации. В.Н. Телия указывает, что метафора выполняет в языке ту же функцию, что и словообразовательная модель, однако более скрыто и нестандартно [28]. Она порождает новые значения и является самим процессом порождения этих значений.

В исследовании М.Н. Лапшиной, посвященном семантической деривации, лингвист пытается объединить традиционный (структурный) и когнитивный подходы, относя к числу идеализированных когнитивных моделей прототипный семантический сдвиг и прототипный семантический перенос, или прототипную метафору [16, с. 115]. Под семантическим переносом (метафора, метонимия) М.Н. Лапшина понимает семантические инновации на

основе взаимодействия разных понятийных сфер. Семантический перенос приобретает статус прототипического в случае, если анализ отдельных метафор как «готовых» семантических образований позволяет выявить ряд однотипных регулярных ассоциаций. Результатом обобщения такого рода ассоциаций, их слияния является прототипная метафора, которая, по мнению М.Н. Лапшиной, выступит одним из типов идеализированной когнитивной модели.

В собственно когнитивной перспективе Н.Н. Болдырев определяет прототип как «концепт, лежащий в основе формирования категории» [5]. С помощью прототипа – мысленного образа предметов, хранящегося в сознании, – человек воспринимает всю категорию, а характеристики концепта-прототипа определяют основные характеристики этой категории. Такая точка зрения согласуется с выдвинутой Дж. Лакоффом концепцией о формировании категории посредством идеализированных когнитивных моделей [17]. Одним из типов идеализированных когнитивных моделей, выделяемых этим лингвистом, являются метафорические модели; остальные три типа – пропозициональные, образно-схематические, метонимические модели. Отмечается, что все типы моделей в конечном итоге, сводимы к логическим, или пропозициональным.

Данную концепцию поддерживают и развивают многие отечественные и зарубежные лингвисты [4, с. 9-14; 21; 32]. Категоризация, с точки зрения Е.Г. Беляевской, определяется не сходством с неким эталонным прототипическим объектом, как постулирует Э. Рош [33], а сходством с абстрактной моделью класса объектов, формирующих категорию [4].

Прототипическая (когнитивная) теория как значения слова противопоставляется объективистскому подходу. Этот подход полностью исключает значение познавательной деятельности человека, играющей первостепенную роль при образовании понятий, в то время как когнитивный подход подчеркивает, что язык отражает именно когнитивную деятельность человека в мире, а не сам этот мир. В результате познания человеком мира и деятельности с его объектами складываются определенные концепты о мире, вербализующиеся в языке, благодаря чему язык дает представление об окружающей действительности. Таким образом, внеязыковые знания активно участвуют в формировании понятий и значений языковых единиц; как мышление, так и язык являются производными практико-познавательной деятельности человека. С точки зрения изложенной теории, объективистский подход к значению слова, не признающий этот тип знаний, не дает адекватного определения значения слова.

Согласно прототипической теории значение слова отождествляется с тем знанием, которое позволяет отнести обозначаемый словом предмет или явление к определенной понятийной категории. Таким образом, значение слова существует на фоне общих представлений человека о мире, включая социокультурные стереотипы. В связи с этим лексическое значение не имеет фиксированных границ, что приводит к возможности дальнейшего семантического развития слова, включая такие семантические деривации как семантический сдвиг и перенос.

Несмотря на большую объективность прототипической теории значения по сравнению с объективистской, она также не свободна от недостатков: ставя во главу угла познавательную деятельность человека, она игнорирует независимое от него, объективное состояние реальности.

Поскольку оба подхода имеют сильные и слабые стороны, значение слова не может быть описано в исключительно терминах одной из этих теорий – объективистской или прототипической.

Определяясь с подходом к исследованию значения слова и его изменению (семантической деривации), М.Н. Лапшина предлагает учитывать дуалистичную природу

структуры понятия, которая не является ни исключительно конструктивно-логической, ни индуктивно-эмпирической. Дуализм структуры понятия отражает дихотомию между объективным состоянием реального мира (метафизикой) и нашим представлением о нем (эпистемологией). Между тем, объективистский подход полностью игнорирует эпистемологический аспект, а прототипическая теория не учитывает объективное состояние реальности.

В связи с этим наиболее плодотворным представляется комбинированный структурно-прототипический подход к значению слова и семантическим деривациям (включая семантический перенос, или метафору), предлагаемый М.Н. Лапшиной, поскольку он наиболее адекватно соответствует комбинированной природе лексического значения. В рамках этого подхода понятия прототипа и семантического признака не противопоставляются, так как они дополняют друг друга в определении лексического значения слова.

Трактуя процесс метафоризации как перенос признака с одной когнитивной области на другую, или как «семантический перенос», М.Н. Лапшина, таким образом, объединяет традиционный и когнитивный подходы к феномену метафоры, что, на наш взгляд, является наиболее продуктивной концепцией метафоры на сегодняшний день.

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2006.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966.
4. Беляевская Е.Г. О характере когнитивных оснований языковых категорий // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. трудов. – Рязань, 2000. – С. 9-14.
5. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – Вып. 1. – Тамбов, 2004. – С. 32.
6. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997.
7. Вовк В.Я. Языковая метафора в художественной речи. – Киев: Наукова думка, 1986.
8. Гак В.Г. Человек в языке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.В. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 73-80.
9. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранном языке, 1958.
10. Гентнер Дж. Искусство метафоры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.art-metaphor.com> // [Дата обращения: 07.06.09].
11. Калмыкова В.В. Теоретико-литературные взгляды В. Я. Брюсова: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2007.
12. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия / отв. ред. Л.Ю. Брауде. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
13. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980.
14. Кубрякова Е.С. Концептуализация. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1996.
15. Лапшина М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте: автореф. дис. ...д-ра. филол. наук. – СПб., 1996.
16. Лапшина М.Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте). – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1998.
17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
18. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. – Мн.: Тетра Системс, 2004.
19. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. – М.: Академия, 2001.
20. Маслова-Лашанская С.С. О процессе наименования // Скандинавский сб. XVIII. – Таллин, 1973.
21. Песина С.А. Лексический прототип как содержательное ядро многозначного слова (на материале английских существительных лексико-семантической группы «тело человека»): Учеб. пособие. – Магнитогорск: МГТУ, 2003.
22. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М., 1959.
23. Потебня А.А. Мысль и язык: Сб. трудов – М.: Лабиринт, 1999.
24. Репеев А.П. Метафора. Новейший философский словарь. – М.: Наука, 2004.
25. Реформатский А.А. Введение в языкознание: Учеб. пособие для вузов. – М.: Аспект Прогресс, 2003.

26. Ричардс А. Искусство метафоры, сборник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.art-metaphor.com> // [Дата обращения: 07.06.09].

27. Серль Дж., Дэвидсон Д. Искусство метафоры. Сборник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.art-metaphor.com> // [Дата обращения: 07.06.09].

28. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М: Наука, 1986.

29. Уфимцева Н.В. Лексическое значение слова: Принципы семиологического описания лексики. – М., 1986.

30. Black M. Metaphor. – Искусство метафоры. Сборник [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://www.art-metaphor.com> // [Дата обращения: 07.06.09].

31. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cogsci.berkeley.edu/lakoff/metaphors/> [Дата обращения: 07.02.04].

32. Nissan E. Meanings, expression, and prototypes // Pragmatics and Cognition. – Vol. 3 (2), 1995. – P. 317-365.

33. Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associate Publishers, 1978. – P. 70-78.

Е. Г. Мусаева

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АНГЛИЙСКИХ СМЫЧНО-ВЗРЫВНЫХ СОГЛАСНЫХ В РЕЧИ БРИТАНСКИХ ПОЛИТИКОВ

The article deals with the problem of English alveolar plosives' functioning in speech of British politicians.

В этой статье рассматриваются особенности реализации группы смычно-взрывных английских согласных в подготовленной и спонтанной речи политиков. Фонологическая подсистема более всех других подсистем языка подвержена изменениям, что объясняется теми свойствами, которые характеризуют единицы этого уровня, – их сложностью, а также субстанциональной и функциональной неопределенностью [1, с. 114]. С этим трудно не согласиться, учитывая, что фонетико-фонологический статус некоторых звуковых явлений вызывает среди исследователей оживленные споры. Неудивительно, что уровень, включающий подобные единицы, также будет характеризоваться неустойчивостью и неопределенностью, которая позволяет сосуществовать нескольким вариантам в речи для выражения одного содержания.

Объектом данного исследования выступает привативная пара переднеязычных апикально-альвеолярных смычно-взрывных согласных /t/ – /d/.

В английском языке фонемы /t/ и /d/ могут рассматриваться как наиболее значимые среди всех взрывных звуков. Это утверждение основано на следующих наблюдениях. Во-первых, согласные /t/ и /d/ являются среди английских согласных одними из наиболее часто встречающихся звуков. Частота их появления составляет 6,4% и 5,14% соответственно [2, с. 216]. Во-вторых, эти звуки отличаются высокой вариативностью и чрезвычайно неустойчивы с точки зрения комбинаторно-позиционных процессов – таких как ассимиляция, эллиптирование и проч. Выпадение сегментов часто происходит в кластерах согласных. Например, кластеры согласных -pt-, -kt-, -st-, -bd-, -gd-, -nd- на конце слова теряют финальный звук в тех случаях, когда последующее за ними слово начинается с согласного: kept quiet, helped me; thanked me, looked like; west region, last chance; robbed both, grabbed them; arranged them, judged federally; send round, found last и т.д.

Таким образом, задача нашего исследования заключается в выявлении модификаций английских смычно-взрывных согласных в подготовленном и спонтанном политическом дискурсе и их сравнительная характеристика.

Материалом для проведения исследования послужила спонтанная и подготовленная речь британских политиков. Общее время звучания составило: подготовленная речь двух дикторов – 45.53 мин., спонтанная – 66.33 мин. Дикторов, несомненно, можно причислить к носителям орфоэпической нормы британского варианта английского языка, имеющим высшее образование, занимавшим или занимающим ответственные правительственные посты.

В ходе слухового и инструментального анализа были выявлены следующие модификации данной группы согласных.

Образование одноударных аллофонов

В литературе отмечается, что использование одноударных аллофонов на месте орфографических -t/-tt-, -d/-dd- не входит в перечень нормативных явлений британского варианта английского языка. Однако одноударные варианты фонем /t/ и /d/ не являются совершенно чуждыми системе. Фонема /t/ в интервокальном положении особенно подвержена изменениям под влиянием региональных и социальных факторов. Одноударная реализация, обычно звонкая, известна как американизм, нередко встречающийся и в Англии (по данным J.C. Wells, P. Trudgill, A. Mitchell) [3]. Такие реализации как [t̪] British, [t̪] matter характеризуют неофициальный стиль в пределах произносительного варианта. Интересно отметить, что одноударный /t/ среди носителей *sockney* считается обычным, «правильным» вариантом. Одноударный /t/ здесь часто встречается на границах слов, – например, [t̪] got it. Однако несомненно, что [R] не встречается при замедленном темпе речи или перед паузой.

Появление одноударных аллофонов фонем /t/ и /d/ продиктовано законом экономии речевых усилий – гораздо легче и быстрее произнести удар языком о небо, чем произнести смычку, отступ и факультативный цикл аспирации обычного смычно-взрывного согласного [4].

Согласно акустическим параметрам одноударный аллофон – один из самых кратких по длительности согласных английского языка – насчитывает всего 2-3 периода колебания основного тона и равен по длительности 16-24 мс.

Следует отметить схожесть акустических параметров одноударных. Они характеризуются наличием краткой смычной фазы, сверхкраткого импульсного шума, присутствием основного тона (F0) [5, с. 71]. Акустическую картину одноударных можно проследить на рис. 1 и 2 (метками обозначены границы реализации одноударных).

Итак, в исследуемом материале подготовленной речи нами рассматривались 110 позиций потенциальной реализации одноударных аллофонов – интервокальная позиция внутри слова и на границе слов. Анализ показал, что от общего числа возможных реализаций одноударных в подготовленной речи был реализован 21% аллофонов, при этом абсолютное большинство – в интервокальной позиции на стыке слов при втором ударном гласном (92%). В ходе эксперимента было отмечено, что подавляющее количество одноударных, подвергшихся рассмотрению, реализовано на месте смычно-взрывного глухого согласного /t/ (97%). Данные по образованию одноударных приводятся в табл. 1.

Обработка спонтанной речи показала иные результаты, которые в очередной раз свидетельствуют, что именно неподготовленная речь является более благоприятной почвой для появления разного рода модификаций согласных фонем.

Из общего числа рассмотренных реализаций одноударных имели место уже в 35% случаев (сравн. 21% в подготовленной речи). Основные позиции реализации одноударных – интервокальная на границе слов перед ударным гласным (напр.: *it* all, *get* asked, *but* I), что составило 87% общего числа реализации одноударных, а также в